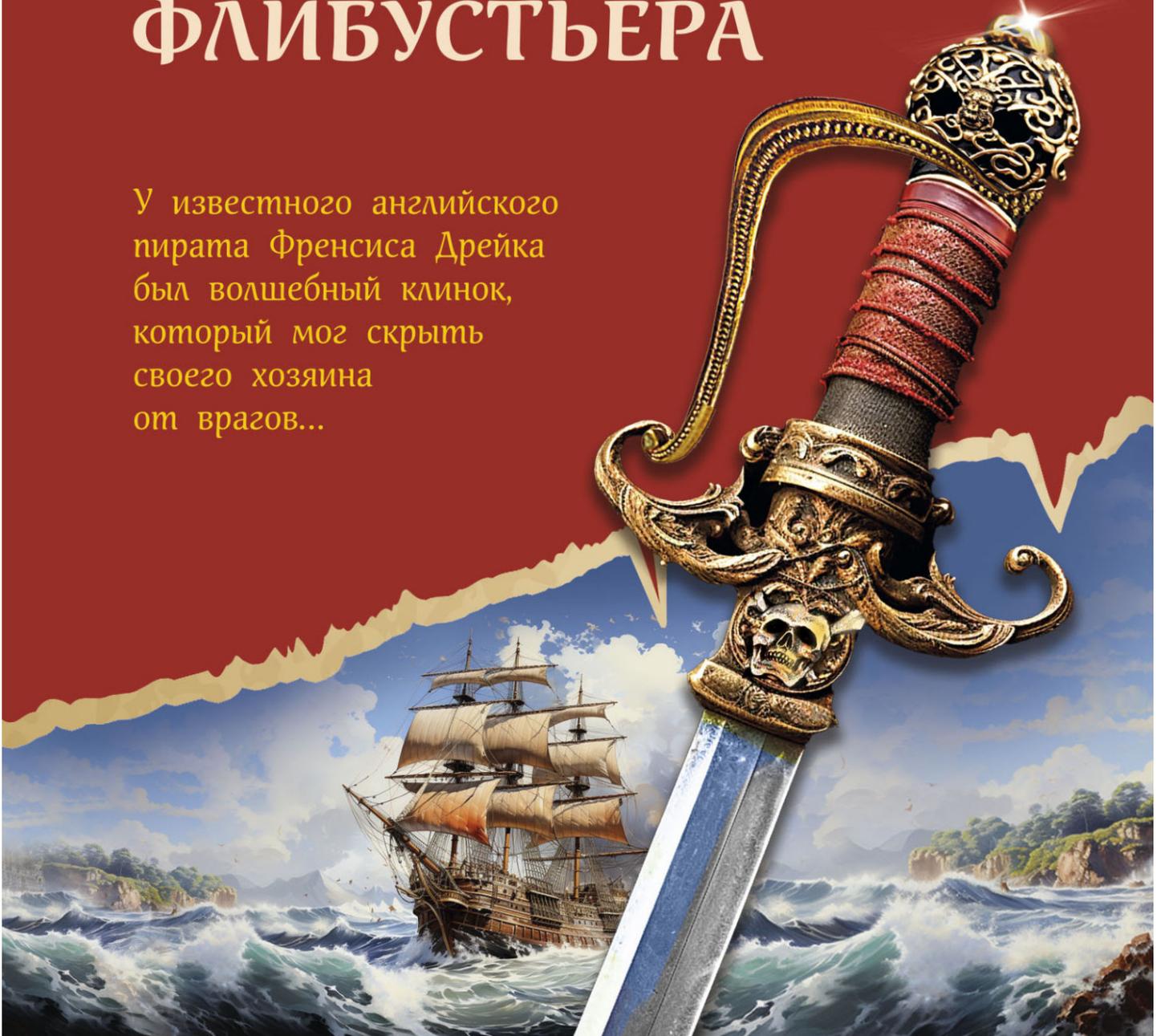

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Наталья Александрова

КЛИНОК ФЛИБУСТЬЕРА

У известного английского пирата Френсиса Дрейка был волшебный клинок, который мог скрыть своего хозяина от врагов...

Артефакт & Детектив

Наталья Александрова
Клинок флибустьера

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Клинок флибустьера / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2024 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-200604-3

Известный флибустьер Френсис Дрейк владел необычным волшебным клинком, который мог скрыть своего хозяина от врагов... В наши дни Мила торопилась домой, чтобы поздравить мужа с юбилеем свадьбы, но вместо поздравлений ее ожидал неожиданный уход Павла из семьи. Это произошло настолько резко, что Мила даже забыла сказать уже бывшему супругу, что она взяла у него из сумки сверток. Теперь из-за загадочной вещицы у нее начались неприятности: кто-то напал на нее на улице и обшарил ее квартиру... Как связан клинок пирата с Милой?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-200604-3

© Александрова Н. Н., 2024
© Эксмо, 2024

Наталья Александрова

Клинок флибустьера

Редактор серии Е. Ирмеш
Дизайн обложки С. Курбагова

© Александрова Н.Н., 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

«Как медленно ползет время! – думала Мила, встав на ступеньку. – Прямо как этот эскалатор...»

Ей казалось, что лестница буквально стоит на месте, хотелось бежать вверх, но впереди стояли люди, и она поймала себя на том, что приплясывает на месте. Ее переполняла радостная энергия.

Не дождалась даже конца работы, отпросилась у начальника. Он нахмурил было брови, но взглянул на ее счастливое лицо и согласился, присовокупив вопрос, с чего это она сияет, как медный самовар.

«Есть причина», – улыбнулась она, а он только вздохнул и не стал расспрашивать.

Да Мила и сама не стала бы ничего рассказывать. Еще не хватало – делиться с начальником семейными проблемами. Тем более что и проблем-то никаких нет, одна сплошная радость.

Сегодня ровно три года, как они поженились с Павликом. Надо же, уже три года прошло, а промелькнули они так быстро...

Но хоть и не круглая дата, но все-таки Мила считает, что это – поворотный момент в их браке. Потому что теперь можно подумать о ребенке. Разумеется, сегодня она не станет затрагивать этот вопрос, потому что сегодня у них будет праздник. Причем никаких гостей, только они вдвоем. А потом, через некоторое время, Мила очень осторожно заведет этот разговор.

Осторожно – потому что Павлик... он не то чтобы против детей, но считает, что им еще рано, что нужно немного подождать, как он говорит – «опериться».

А чего ждать? Она, Мила, твердо уверена, что Павлик – это ее мужчина и что брак у них будет крепкий и навсегда. Как это говорится? В горе и в радости, в богатстве и в бедности, в болезни и в здравии...

С работой у нее и у мужа вроде бы все ничего, стабильно, квартира есть, хоть и две комнаты, но вполне можно будет и с ребенком существовать. Так что Мила рано или поздно Павлика уговорит, ведь они так любят друг друга.

Но это все потом, потом, а сегодня у них будет праздник!

Мила споткнулась, сходя с эскалатора, и вдруг ее пронзило странное чувство. Казалось, что весь мир вдруг закачался, как будто люди, банкоматы, автоматы для продажи билетов были не настоящие, а бутафорские, картонные. И они закачались под порывом ветра, хотя откуда было взяться такому сильному ветру, если все декорации находились в павильоне студии...

– Не стойте, девушка, на дороге! – сказал мужчина, налетевший на нее сзади. – В сторонку отойдите.

Мужчина был самый настоящий – крепкий, широкоплечий, и пахло от него потом и гамбургерами. Мила мигом пришла в себя – какая уж тут декорация – и пошла к выходу, ловко увернувшись от двери, которую этот тип и не подумал придержать.

По дороге она увидела дверь ресторана и посмотрела на часы. Павлик обычно возвращался к семи, у нее есть больше двух часов, не зря она отпросилась пораньше. Но, с другой

стороны, если она потратит эти два часа на приготовление ужина, то встретит Павлика заморозившей и уставшей. Нет уж, сегодня никакой кухни!

И Мила свернула к ресторану, где заказала кучу еды и заплатила за доставку. Обещали к семи.

Лифт не работал или просто застрял на верхнем этаже. Мила несколько не расстроилась, а поднялась на свой пятый на одном дыхании, даже не запыхалась несколько. Ключ в замке повернулся всего один раз, неужели Павлик уже дома?

Ну точно, решил тоже сегодня отпроситься пораньше...

А она-то еще переживала, что ни словом, ни намеком не напомнила ему про годовщину их свадьбы. Вчера он вернулся поздно и был такой уставший, а утром она ушла, когда он еще спал, и на ее поцелуй только всхрапнул в ответ. Он такой смешной, когда спит! Сопит носом и чмокает, как ребенок...

Мила открыла дверь осторожно, потому что в прихожей было темно. Она включила лампу-бра над зеркалом, заметила мимоходом, что один рожок не горит, и увидела портфель мужа, лежащий на тумбочке. Портфель был раскрыт, и оттуда высовывался край коробки.

Прихожая у них была небольшая, зато потом был еще довольно узкий коридорчик, который вел на кухню и в ванную. И только потом были двери комнат.

Мила прислушалась и уловила какие-то звуки из спальни. Вот скрипнула дверца шкафа, что-то упало на пол, мужской голос едва слышно чертыхнулся...

Она невольно улыбнулась: небось душ принимал и, как всегда, не может найти чистое белье.

Она поправила портфель, чтобы не упал с тумбочки, и коробка стала видна еще лучше. Небольшая такая коробка, завернута в белую бумагу... Ну конечно же, Павлик купил это для нее! А она-то еще опасалась, что он забудет! Ну, разумеется, как ее замечательный муж мог такое забыть? А что не в подарочной упаковке, так Павлик никогда не придавал значения таким мелочам. Главное, говорил, то, что внутри, а снаружи хоть в газету заверни, какая разница...

Мила с ним соглашалась для виду, но все же приятно, когда подарок в веселенькой упаковке, сразу радостно становится. Но и белая бумага сойдет.

Интересно, что же это такое? Милу вдруг обуяло ужасно сильное любопытство, она прислушалась к доносящимся из комнаты звукам и осторожно потянула коробку из портфеля.

Ого, а подарок-то тяжеловат! Что же там может быть? Не кольцо, не браслет, ожерелье, что ли?

Мила попыталась развернуть бумагу, и тут в спальне что-то упало, она дернулась, и бумага порвалась.

Ой, как неудобно перед Павликом, он-то хотел сделать ей сюрприз...

Мила услышала шаги мужа, тут же метнулась в ванную и спрятала коробку в первое попавшееся под руку место – в корзину для грязного белья, прикрыв его двумя полотенцами. Она уговорит мужа вручить ей подарок во время ужина, а за это время сумеет пробраться в ванную и как-нибудь заклеить порванное. Павлик ничего не заметит, мужчины никогда не обращают внимания на такие мелочи.

– Ты уже дома? – Она встретила появившегося в прихожей мужа радостной улыбкой. – Я тоже пораньше отпросилась, сегодня ведь такой день...

Он не ответил, она же, не замечая этого, продолжала разговор:

– Я еду заказала в ресторане у метро, но сказали, что только к семи доставят. Так что если ты голодный, то я могу что-нибудь...

Тут на глаза ей попались ботинки мужа. Ботинки были у него на ногах, то есть он вовсе не принимал душ и не искал в спальне чистое белье.

Мила подняла глаза и увидела, что Павлик какой-то не такой, как всегда. То есть он, конечно, не всегда был одинаковый – за три года, да что там, почти за четыре, если считать со дня знакомства, она хорошо его изучила.

Он бывал веселым, бывал серьезным, бывал резким и даже грубоватым (очень редко), но сегодня с ее мужем что-то было явно не то.

Но Мила так настроилась на сегодняшний праздник, что никак не могла остановиться. Ей казалось, что если она будет говорить что-то пустое, то муж наконец рассмеется, назовет болтушкой и закроет ей рот поцелуем. Но на этот раз все было не так.

– Помолчи! – выдохнул муж, и тут она заметила, что он вытащил в прихожую дорожную сумку.

– Что? Что случилось? – упавшим голосом спросила она. – Ты уезжаешь? В командировку?

– Мила! – Он вздохнул и сел на тумбочку в прихожей, сбросив портфель на пол. – Помолчи и выслушай меня! Можешь ты меня выслушать, не дергаясь и не суетясь?

Мила отступила назад, потому что поняла, что то, что он сейчас скажет, разрубит ее прежнюю жизнь на ДО и на ПОСЛЕ, что теперь все будет иначе. И будет ли...

Она все пятилась и пятилась, пока не уперлась спиной в дверь. И от толчка снова накатило на нее то же странное чувство, какое было недавно при выходе из метро. Ей показалось, что все вокруг закачалось и поплыло, как будто это не ее собственная квартира, а декорация в спектакле, и нерадивый рабочий сцены что-то там сделал не то, и декорации закачались и сейчас упадут.

Что-то коснулось ее резко – оказалось, что это муж схватил за руку и хорошенько потрянул.

– Мила, ты меня слышишь?

– А? Да, конечно... Что ты хотел сказать? – спросила она непослушными губами.

– Я ухожу! – Он сказал это так спокойно, что она наконец поняла: это серьезно.

– Я ухожу, – повторил муж, поскольку она молчала. – Я... встретил другую женщину и ухожу к ней, с тобой жить я больше не могу. Ты поняла? – добавил он, удивленный, надо полагать, ее отстраненным, безжизненным видом.

А у нее как раз все перестало качаться перед глазами, она убедилась, что находится в собственной квартире, и дошли наконец его слова.

– Ка-какую женщину? – Мила даже удивилась. – Что еще за...

– Говорят тебе русским языком! – закричал муж резким, чужим голосом. – Я ухожу! К другой ухожу! Вот прямо сейчас ухожу! Можешь ты это понять? А, черт, хотел же пораньше уйти, да вот провозился с вещами этими... А тут ты...

До Милы дошло, что если бы она не отпросилась у начальника, то, придя сегодня домой, застала бы пустую квартиру и в лучшем случае записку от мужа. А возможно, он вообще не оставил бы записки, просто ушел бы – и все. И телефон отключил бы.

– Ты уходишь в новую жизнь? – Она сама не узнала собственного голоса, до того он был сух и скрипуч. – К новой жене, в новую жизнь? Но чем тебя наша жизнь не устроила? Чем тебе я-то не угодила? Ты никогда не давал мне повода считать, что...

– Ой, вот не надо никаких выяснений отношений! – закричал муж. – У меня нет на это времени!

Она хотела спросить, куда он так торопится, с чего вдруг сорвался именно сегодня и вообще – неужели она не заслужила никаких мало-мальски понятных объяснений? Все-таки три года они прожили. И все было хорошо. То есть это она так думала. Как выяснилось буквально только что, она ошибалась.

Но горло сжал спазм, так что она не смогла вымолвить ни слова. А муж схватил сумку, зажал портфель под мышкой и шагнул к двери. Но у двери стояла Мила, так что он поморщился, как будто у него болит зуб, и сказал устало:

– Ну что мне еще сделать, чтобы ты поняла? Ты не сможешь меня удержать, так что не старайся!

Она хотела сказать, что вовсе не пытается его удержать, она хочет только понять, что она сделала не так, неправильно, отчего он так с ней поступает? Но спазм не отпускал, так что она снова не смогла ничего сказать.

– Да уйди ты от двери! – заорал муж и поднял руку, чтобы оттолкнуть ее.

Лицо его вдруг стало таким страшным, что она испугалась, что он ее ударит. Она отпрянула в сторону, и муж выскочил из квартиры, напоследок сильно двинув ее дверь.

Сделал он это не нарочно, но на ее крик даже не оглянулся и бросился бегом вниз, не дожидаясь лифта.

У нее хватило сил только на то, чтобы запереть дверь.

После чего она снова села на пол и сидела так в полной прострации до тех пор, пока в дверь не позвонили. Звонки с трудом пробилась к ней в голову, она очнулась... не от мыслей, нет, мыслей в ее голове не было никаких, она просто выпала из окружающей действительности на некоторое время.

Звонки все продолжались.

«Кто это может быть? – лениво думала Мила. – Муж вернулся? Да нет, у него же свои ключи...».

Тут она осознала, что муж ушел, ушел от нее к другой женщине в новую жизнь, ушел вот буквально недавно. Еще дверь ее двинул на прощание.

Мила потеряла отбитый бок и попыталась встать. За дверь снова звонили, потом кто-то со всей силы шарахнул в дверь ногой.

Мила поняла, что нужно подойти к двери и хоть спросить, кто там и какого черта ему надо. Но не смогла сдвинуться с места, удалось только доползти до входной двери. И там она услышала, что открылась дверь соседней квартиры и женский голос спросил, чего надо.

Очевидно, тот, кто ломился к Миле, позвонил к соседу. И мужской недовольный голос ответил, что он – курьер из ресторана, что привез заказанную еду, а ему не открывают. Сами заказывают, а сами спят, что ли... И телефон мобильный не отвечает.

И Мила вспомнила про ресторан. Ну да, она же заказала еду с доставкой. Неужели уже семь часов?

Со стоном она приподнялась, схватившись за ручку двери, потом повернула замок.

Лицо курьера с сердитого тотчас сменилось на изумленное.

– У вас неприятности? – спросил он.

– Не твое дело, – буркнула Мила, схватив пакет с едой.

Она заплатила там, в ресторане, и теперь курьер понял, что чаевых не дождется, и молча ушел.

– Привет! – услышала она, и кто-то придержал дверь, которую она собиралась захлопнуть.

Перед ней стояла крепко сбита деваха в джинсах с цветами, вышитыми на ляжках, и в свитерке со стразами. Волосы у девицы были выкрашены разноцветными перьями, а круглые глаза излишне сильно подведены.

– Ты кто такая? – удивилась Мила. – Что здесь делаешь?

– Да я вообще-то...

– Тебе Витька квартиру, что ли, сдал?

– Ну да, – девица быстро закивала головой, – сам уехал, а мне ее сдал...

– На месяц, что ли?

– Почему на месяц, – удивилась девица, – сказал, что можно надолго. Я вообще-то из Колдобинска приехала, хочу тут, в большом городе, устроиться.

– Да Витька же работает вахтовым методом, месяц там, месяц здесь! И вообще-то квартиру никогда не сдает, потому что, как только приедет с деньгами, сразу же у него какая-нибудь девица нарисует, а потом, когда деньги кончатся, и ему снова на работу надо, она его бросает.

– Ну ладно, – девица махнула рукой, – значит, через месяц что-нибудь найду! Слушай, а я чего хотела-то... У тебя кофе нету? А то, понимаешь, кофе хочется, а идти куда-то сейчас сил нету...

– Кофе? – вяло переспросила Мила, и тут взгляд ее упал на многочисленные пакеты с едой. – А может, ты есть хочешь? Так заходи, тут вон какая прорва всего...

– Ой, правда, можно? – просияла девица. – Я щас!

Она юркнула в квартиру за ключами и тут же появилась снова, как бы опасаясь, что Мила передумает. Только тут Мила заметила, что девица была босиком, и ногти покрашены розовым.

Запирая за ней дверь, Мила машинально бросила взгляд в зеркало и остолбенела. В зеркале отражалась жуткая личность со встрепанными волосами и абсолютно дикими глазами. К тому же еще и блузка разорвана у ворота, и царапина на щеке.

И когда это все случилось?

Она зашла в ванную, кое-как разгребла волосы расческой, смыла засохшую кровь с царапины. Надо бы переодеться...

Но ужасно не хотелось идти в спальню, потому что там наверняка остались следы пребывания мужа. Мила вспомнила, как он скрипел дверцей шкафа и чертыхался. Небось разбросал все... нет, ей хватило на сегодня отрицательных эмоций.

Она надела махровый халат и пошла на кухню.

Нежданная гостья развернулась там вовсю. Она выложила на стол контейнеры с салатами и другими закусками, а горячее поставила в микроволновку. Нашла в буфете тарелки и приборы, еще поставила на стол бокалы. Мила чуть поморщилась: она никогда бы не оставила заказанную еду в контейнерах, есть же салатницы и блюда. Впрочем... откуда она, эта девица? Из Колоброда?

– Из Колдобинска, – обиделась ее гостья.

Миле стало стыдно – надо же, оказывается, она сказала это вслух. И какая, в конце концов, разница, что на столе стоит?

Вон она старалась, держала квартиру в чистоте и порядке, стол всегда накрыт был, как полагается, с салфетками и стаканами для воды. И что? Да ничего; оказалось, что мужу на все это наплевать, хоть и звал он ее всегда своей домовитой хозяйской. А вот ушел к другой, и никакого хозяйства ему не нужно.

– Эй, ты чего? – пробился к ней встревоженный, озабоченный голос гостьи.

Она отобрала у Милы нож и усадила за стол.

– Эх, под такую закуску бы бутылку! Может, у тебя есть?

– Есть! – неожиданно для себя сказала Мила. – Вино есть хорошее и водки, кажется, немного осталось.

Гостья наложила ей на тарелку ветчины, и маринованных огурчиков, и фаршированных орехами баклажанов, и еще внушительную порцию салата с мясом. Мила сама его не любила – слишком жирное все, но заказывала для мужа.

Сейчас гостья сказала, что под это все обязательно нужно выпить водки, а вино уже потом.

Водка обожгла горло, Мила закашлялась и вдруг ощутила зверский голод. Они поели, потом выпили еще.

– Меня вообще-то Клавой зовут, – сообщила гостя. – Имя свое ненавижу, но вот живу. Назвали меня в честь прабабки. Уж не знаю, стоило ли ребенка в ее честь называть, а только она была Клавдия Арсеньевна, и у меня отец как раз Арсений. Ну вот меня и назвали Клавдией.

– Это еще что, – усмехнулась Мила. – Я вот вообще Милица.

– Как? Милиция?

– Милица.

– Да ты что? Есть такое имя?

– Представь себе, есть. Родители откуда-то его выкопали и выпендрились. Что в школе было – страшное дело.

– Милицией дразнили? – понимающе усмехнулась Клава.

– Ага. И ладно бы еще мальчишки. Так училка в начальных классах так и звала: «Милиция, к доске!»

– Досталось тебе! – Клава наливала вино.

Мила вспомнила, что вино это она покупала для праздника, для трехлетней их с мужем годовщины, а где сейчас муж? Ушел от нее к другой...

– Эй, ты чего? – спросила Клава.

У Милы уже слезы текли по щекам, и она вытирала их рукавом халата, потом она выпила еще вина и завyla в голос, и Клава гладила ее по спине и говорила, что все пройдет, рано или поздно все пройдет, а Мила не соглашалась, утверждая, что такая любовь, как у нее, не пройдет никогда, что муж, уходя, разбил ей сердце и теперь она не может даже дышать в полную силу.

Прошло какое-то время, бутылка опустела, Клава заварила кофе, ловко и уверенно управившись с крутой Милиной кофеваркой, они выпили кофе с остатками ликера, найденного опять-таки Клавой в буфете, но перед этим съели еще жареную курицу, которая совершенно засохла в микроволновке, так что Мила все порывалась звонить в ресторан и требовать с них обратно деньги.

И тогда Клава, чтобы ее отвлечь, затянула частушку:

– И что со мной ты понаделал,
Какой беды понатворил!
Зачем ты в прошлый понедельник
Мне белый розан подарил?

Там было еще много куплетов, и Мила подтягивала, как умела, пока не почувствовала, что больше не может ни есть, ни пить, ни петь, ни даже сидеть на стуле.

Мила проснулась от того, что в уши буквально вгрызалась очень знакомая мелодия. Не открывая глаз, она помотала головой, чтобы мелодия ушла. Не получилось, только голова заболела.

От этой боли слетели остатки сна, и Мила осознала, что мелодию издает ее мобильник.

Павлик! Это звонит Павлик, хочет сказать, что уже вернулся из командировки и едет домой. Человек усталый с дороги, а она тут разлеглась, вместо того чтобы...

Мила вскочила с кровати, точнее только хотела это сделать. Потому что от резкого толчка голова снова взорвалась болью. Да такой сильной, что все чувства удивительно обострились, так что, когда боль поутихла, Мила несколько пришла в себя и открыла глаза, хоть это и было сделать довольно трудно.

Было такое ощущение, что на веках лежали огромные мешки с песком, а когда она подняла веки, то эти мешки порвались, и весь песок остался в глазах.

Вокруг было все незнакомое, непривычное, и Мила долго недоумевала, где она, пока не осознала, что находится не в спальне, а в гостиной на диване. На ней был махровый купальный халат, и ноги ужасно замерзли без одеяла.

Противная мелодия все лезла в уши, никак нельзя было от нее отмахнуться, и Мила осознала две вещи: во-первых, это звонит не муж, а во-вторых, эта мелодия у нее поставлена для звонков только от одного человека: Таисьи, сестры мужа.

Ох, не зря в народе говорят, что золовка хуже свекрови! Свекрови у Милы нет, она умерла много лет назад, а вот золовка есть. И в данном случае народная мудрость совершенно права.

Таисья была старше Павлика на десять лет; когда их мать умерла, Павлику было пять, а ей пятнадцать. И она его вырастила. И очень часто об этом напоминала.

«Она заменила мне мать! – говорил муж, когда Мила пыталась робко жаловаться на то, что золовка слишком часто указывает ей, как жить, и вообще постоянно вмешивается в их отношения. – Если бы не она, то я бы... В общем, изволь относиться к ней уважительно!»

Мила пыталась, в первое время она готова была любить всех, кто был дорог Павлику, но, натолкнувшись на самую настоящую неприязнь со стороны его сестры, поняла, что жалобы мужу ничего не дадут, и постаралась как можно меньше с золовкой общаться.

Та и сама не собиралась дружить и, по подозрению Милы, наговаривала Павлику на нее. Так что общались они с Павликом вдвоем, Миле пришлось смириться.

Таисья ее терпеть не могла, Мила платила ей тем же, но помалкивала, только мелодию звонка установила жуткую – танец троллей Грига. Слушая эту музыку, Мила очень хорошо представляла золовку: высокая, вся какая-то квадратная, ступает по земле твердо, уверенно, ноги ставит прямо, и размер обуви не меньше сорокового.

Все черты лица крупные, будто топором вырубленные, они с Павликом немного похожи, но у Павлика лицо выглядит мужественным, а у Таисьи – просто грубым.

Телефон наконец замолчал, и Мила перевела дух и решила все-таки встать с дивана. Хоть и тяжело, а надо.

Разумеется, когда она приняла вертикальное положение, гостиная начала кружиться перед глазами.

Сначала проплыл телевизор на тумбе, потом кресло, затем стеллаж с дисками и немногочисленными книгами, а на верхней полке Мила ставила керамические фигурки зверей.

Потом к ним присоединился журнальный столик, а когда вслед собралось окно, Мила усилием воли прекратила это безобразие, призвав комнату к порядку.

И тут до нее дошло, что она просто мается жутким похмельем; ну да, все признаки налицо: голова болит и кружится, слабость жуткая, и во рту будто кошки нагадили.

Господи, с чего это она так напилась? Никогда в жизни спиртным не злоупотребляла. И почему она спит на диване в гостиной? Что же вчера случилось?

Мысли в голове ворочались с трудом, Мила воочию слышала их скрип. Но все же в голове проступили воспоминания. Вот она входит в квартиру, вот слышит, что муж уже дома, вот бросается ему навстречу, он что-то говорит...

Боже мой, от нее же Павлик ушел! Буквально вчера, когда у них была трехлетняя годовщина свадьбы! И муж именно в этот день преподнес ей подарочек. Да еще какой!

Перед глазами встало лицо мужа – мрачное, недовольное, совершенно чужое, как он сказал ей наскоро, что уходит к другой женщине. И все, больше у него не нашлось для нее никаких слов, взял вещи и ушел, еще и дверью хлопнул.

Снова телефон подал голос, опять та же мелодия – танец троллей. Снова Таисья. Этой-то что надо?

Мила хотела сбросить звонок, но прекрасно знала, что если ее золовке что-то нужно, то она этого добьется. Во всяком случае, с Милой у нее это получалось. Так что придется ответить.

– Где Павел? – услышала она знакомый голос.

Ну, Таисья, как всегда, в своем репертуаре, в жизни не утруждала себя приветствием, однако надо признать, что и звонила она Миле считанные разы.

– Где Павел? – повторила Таисья, не услышав ответа.

– А ты не знаешь? – отчеканила Мила. – Ты не в курсе, что он ушел? Не ври, уж ты-то небось всю историю знаешь в мельчайших подробностях, он небось твоего мнения спрашивал, как всегда, а ты ему и посоветовала меня бросить. Знаю, что без тебя не обошлось. А мне ты позвонила только для того, чтобы позлорадствовать; знаю, что ты меня терпеть не можешь, всегда хотела нас развести, так что исполнилась твоя мечта. Ну, можешь радоваться...

Мила никогда раньше и не думала, что сможет так разговаривать с Таисьей, а вот, настал момент.

– Послушай, мне очень нужно с ним... – начала Таисья.

– Да звони ты ему, заодно поздравишь с новой женой!

– Телефон не отвечает...

– Значит, он его выключил, чтобы ты не лезла в его жизнь, как к нам вечно лезла!

– Дура, – сказала Таисья, – ты...

– Сама дура! – закричала Мила. – Дура и сволочь, из-за тебя все! Если бы не ты, он бы не ушел!

И успела первой отсоединиться. Потом посмотрела на телефон и ощутила неожиданный прилив сил. Да, что ни говори, а один положительный момент в уходе мужа есть – теперь не нужно будет общаться с его сестричкой.

Она посидела немного на диване, пытаясь вспомнить, что же такое было вчера. Не получилось – после того, как муж хлопнул дверью, уходя, в памяти был полный провал.

Возможно, поможет холодный душ?

Мила осторожно выглянула в прихожую. Вроде всё на месте, входная дверь квартиры заперта. Тогда она пошла на кухню, потому что очень хотелось пить.

На кухне был не то чтобы беспорядок, но чувствовалось, что там хозяйничал чужой человек. Посуда была чистая, но стояла почему-то на столе, прикрытая льняным полотенцем, на полу крошки. В холодильнике в пластиковых контейнерах были остатки еды – мясной салат, курица, баклажаны...

От запаха Милу здорово затошнило, и она поскорее закрыла холодильник, вытащив оттуда невостребованную вчера бутылку минералки.

После холодной воды стало легче, и она вспомнила, что еду принес курьер из ресторана и они съели все с... какая-то была тут девица, вроде бы соседка, как же ее звали... не вспомнить.

Зато вспомнилось другое, что сегодня – суббота и Мила еще неделю назад записалась в парикмахерскую. Как раз рассчитала, что Павлик будет спать, а она сбегает быстренько. Только чуть-чуть подстричь волосы, самые кончики.

Она посмотрела на часы: времени оставалось только на то, чтобы умыться и одеться, хорошо, что салон в соседнем доме.

Однако в салоне она задержалась дольше, чем думала. У мастера оказалось большое окно, и она предложила выкрасить Миле волосы новой, очень хорошей краской.

Цвет и правда получился сочный, выразительный, но пришлось еще затемнить брови, так что Мила поначалу и в зеркале себя не узнала. Но все хором сказали, что ей очень идет, так что она отправилась домой в приподнятом настроении. Что ни говори, а парикмахерская поможет от всех бед!

Мила вышла из лифта, подошла к своей двери... и застыла на месте.

Дверь квартиры была слегка приоткрыта.

Мила отлично помнила, что запирала ее перед уходом. Да и вообще, она пока еще не в том возрасте, чтобы забыть запереть квартиру! Хотя, конечно, после вчерашних событий, а

также после полуночных возлияний с соседкой всякое возможно, но нет, она точно помнит, как запирала дверь на оба замка.

Еще не сразу попала ключом в скважину – руки дрожали после вчерашнего.

Сердце испуганно забилося, только что уложенные волосы поднялись дыбом.

Проще говоря, Миле стало страшно.

В ее квартиру кто-то проник, и очень может быть, что сейчас этот кто-то там хозяйничает...

Она подкралась к двери, прислушалась...

Изнутри не доносилось ни звука.

Но страх никуда не уходил.

Может быть, тот, кто проник в ее квартиру, нарочно затаился, может быть, он ее подкарауливает...

Что делать? Не торчать же под дверью до вечера!

Вызвать полицию?

Только этого не хватало! Они никого не найдут в квартире и выставят ее круглой дурой...

Тут ей в голову пришла спасительная мысль. Нужно позвонить к соседям и позвать их в свидетели. Пускай кто-нибудь хоть на площадке постоит, и если что – тогда уже полицию вызовет.

На площадке было четыре квартиры. В одной точно никого нет – там парочка пенсионеров всегда на даче, только в сильный мороз в город приезжают.

В другой – Аникеевы, они сейчас в отпуске, уехали в деревню к теще картошку копать и грибы собирать.

А в однокомнатной – Витька.

Тут в голове у Милы что-то сверкнуло, и она вспомнила, что вчера после того, как ушел муж, она провела время с девицей, которой Витька сдал квартиру. Они еще выпили вина и полбутылки водки, вот Милу и развезло. И звали новую соседку Клава.

Клава – вот кто ей сейчас поможет! Вдвоем с ней будет не так страшно!

Мила подошла к соседней двери и позвонила.

Ровным счетом ничего не произошло. Клава не открыла дверь, не отозвалась...

Может быть, она крепко спит после вчерашнего? Или ушла в магазин, или по делам?

И тут она услышала за дверью едва слышный шорох, скрип половиц, сдержанное дыхание...

Тут Мила поняла, что соседка стоит за дверью. И боится открывать.

– Клава, это я, Мила! – проговорила она вполголоса. – Открой! Очень надо!

– Правда, что ли? – раздалось за дверью.

– Ну конечно! Ты в глазок погляди!

– Да в этот глазок что ни гляди – все на себя не похожи!

Тем не менее замок щелкнул. Дверь открылась.

На пороге стояла Клава в длинной, до колен мужской футболке. На груди была нарисована стилизованная нефтяная вышка, ниже которой шла круговая надпись «Нефтепром».

Футболка была Витькина, он привозил такие с работы, парочку даже Павлику подарил.

– Правда, ты! – Клава вымученно улыбнулась. – Вот хорошо, что ты пришла. Может, у тебя есть аспирин или еще что-нибудь, а то у меня после вчерашнего голова трещит.

– В квартире есть, но тут, понимаешь, какое дело... я уходила в парикмахерскую, прихожу, а у меня дверь в квартиру открыта.

– Может, забыла закрыть? После вчерашнего.

– Нет, точно помню, что закрывала.

– Влез, что ли, кто-то? – Клава нахмурилась.

– Однозначно. И я теперь боюсь войти – вдруг он... или они еще там? Пойдем со мной, а? Вдвоем не так страшно!

– Да не вопрос! Только сейчас я оденусь...

Через минуту она вернулась в фиолетовом тренировочном костюме, который был ей велик размера на четыре, и вместе с Милой они вошли в квартиру.

И увидели такое...

В квартире все было перевернуто, шкафы распахнуты, их содержимое вывалено на пол. В гостиной диван отодвинут от стены, в спальне даже постельное белье с кровати сброшено. Ящики кухонного стола и шкафов вытащены, на полу были горки кофе, сахара и круп.

– Ох, ни фиги себе! – присвистнула Клава. – Ну, кто-то порезвился! А я-то ничего и не слышала...

– Главное, как быстро успели... – вздыхала Мила. – Пока я была в парикмахерской... Хотя... часа два-то прошло...

– Да, постарались... – Клава осторожно ходила по кухне, стараясь не наступать на рассыпанные кучи сахарного песка и гречки.

– Наверное, нужно в полицию сообщить...

– Ты чего? – Клава снова нахмурилась. – Зачем тебе полиция? Чем они тебе помогут?

– Ну, не знаю... все же взлом, ограбление...

– Ты для начала проверь, что из вещей пропало.

Мила наскоро проверила – но на первый взгляд ничего не пропало, даже маленькая денежная записка.

Записка была не от мужа, хотя он не знал о ее существовании. Просто в офисе как-то зашел разговор, и бухгалтер Ангелина Геннадьевна сказала, что в доме всегда должны быть наличные деньги. Карточки – это, конечно, хорошо, счет в банке – тоже неплохо, однако наличка должна быть. На всякий пожарный случай. И не в собственном кошельке, а в укромном месте.

Молодые сотрудницы слушали бухгалтера с недоверием. Ну что такого может случиться, что вдруг деньги понадобятся?

«Много чего, – отвечала Ангелина Геннадьевна. – Мужу плохо станет или ребенку, а у тебя и денег нет, чтобы врачам на скорой дать. Или же кошелек в транспорте вытащат, а в нем все карточки. Или с мужем разругаешься, и он все карточки твои заблокирует. Всегда нужно подстраховаться, жизнь – она разная, сегодня ты в шоколаде, а завтра – в полном дерьме. Уж извините на резком слове».

И Мила прониклась той житейской мудростью, и положила одну пятитысячную купюру и три тысячных в старый кошелек, и спрятала этот кошелек в шкафчике в ванной в пакете с прокладками, опять-таки Ангелина Геннадьевна так советовала – дескать, мужики никогда туда не полезут.

Сейчас Мила открыла шкафчик и прощупала пакет.

Кошелек был на месте. И пара дешевеньких колечек, что лежали на тумбочке в спальне.

– Вот, видишь, а ты говоришь – полицию... если ничего не пропало, они и дело заводить не станут...

– Наверно, ты права... – неуверенно ответила Мила.

– Странно... – протянула Клава, оглядевшись. – Выглядит так, как будто они что-то у тебя искали. Что-то определенное. Ты не представляешь, что это могло быть?

– О чем это ты?

– Было у тебя в доме что-то ценное?

– Шутишь? Ничего такого не было.

Клава посмотрела недоверчиво.

– Ну, не хочешь – не говори... я в чужие дела не лезу. Но все же полицию вызывать не советую. И кстати, насчет взлома... – Она уже стояла у входной двери. – Ты уж извини, подруга, но никакого взлома не было. Дверь открыли ключами или отмычкой... Сама посмотри!

И Мила снова убедилась, что соседка права.

И что это значит? Приходил муж? И что он искал в собственной квартире? Для чего понадобилось перерывать все вещи и даже крупы выбрасывать на пол?

Мила почувствовала, что голову ее сжал тугой обруч.

– А вот ты мне лекарство обещала от головы... аспирин или еще что-нибудь... – очень кстати напомнила Клава.

Мила не без труда нашла аптечку – она валялась на полу, и все содержимое рассыпано. Но таблетка от головной боли все же скоро нашлась. И не одна, так что они приняли таблетки на брудершафт, запили их минералкой, и Клава удалилась.

А Мила дождалась, когда пройдет голова, потом захотела есть, но, открыв холодильник, убедилась, что его содержимое ее нисколько не впечатляет, так что напилась кофе и спустилась ниже этажом к Розалии Яковлевне, у которой сын работал в фирме по продаже и изготовлению замков. После звонка матери сын сказал, что, несмотря на выходной, придет мастера, тот и замки принесет.

Пока ждали, Розалия накормила Милу куриным супом, одобрила ее новый цвет волос и велела не вешать нос. Из чего Мила сделала вывод, что соседка полностью в курсе того, что от нее ушел муж. Вот откуда она узнала...

После визита мастера Мила занималась уборкой. Крупы пришлось выбросить, постельное белье запихнуть в стиральную машину. Вещи распахать по ящикам. В процессе уборки она собрала три мусорных мешка на выброс, были там старые ботинки мужа, которые он не давал выбрасывать, его выношенные донельзя джинсы, а также целый ящик каких-то крючков, гаечек и подобных железок.

Мила сама удивилась, с каким удовольствием она вынесла все это на помойку. В который раз убедившись, что есть то, что было в холодильнике, она не будет, Мила выбросила всю еду вместе с контейнерами и решила выйти в магазин, главным образом для того, чтобы подышать свежим воздухом.

Она любила заниматься уборкой, любила, чтобы в доме всегда был порядок, чисто и воздух свежий, но не в данном случае. Хорошо еще, что эти уроды ничего не сломали, а то у нее и денег нет на починку, все на замки ушло.

Кстати о деньгах. Всю наличность она отдала мастеру, еще у Розалии Яковлевны заняла пятьсот рублей. В магазине на углу вечно не принимают карточки, что-то у них там ломается.

Вот и пригодились советы Ангелины Геннадьевны!

Мила сунулась в шкафчик в ванной, достала пакет с прокладками, вытряхнула из него кошелек, который упал на пол. Мила проводила его глазами, сообразив, что что-то не так. Подняла кошелек и открыла, зная уже, что там увидит. Точнее, чего не увидит, поскольку кошелек был пуст. Не было пятидесятичной купюры и трех по тысяче. Да не одной сотенной не завалось, хотя Мила туда их и не клала.

И что это значит? Мила поймала свой недоуменный взгляд в зеркале. Кто украл деньги? Те самые воры, что вломились к ней в квартиру? Точнее, открыли замки отмычкой. Ага, все перерыли, устроили полный кавардак, Клава права, они точно что-то искали. И нашли старый кошелек с восемью тысячами, аккуратно вытащили из него деньги, закрыли и положили обратно на то же место...

Непохоже. Но куда же тогда делось содержимое кошелька? Забрал муж, когда уходил?

Не может быть, Мила застала его в спальне, он собирал вещи, а в ванную вообще не зашел, даже щетку зубную не взял, Мила ее сегодня сама выбросила. Ничего, новая жена ему все новое купит.

Оставалось только пожать плечами, что Мила и сделала.

Пришлось идти к метро, чтобы снять деньги из банкомата.

На улице было тепло; вообще в этом году удивительно теплый сентябрь, днем погода прямо летняя, вечером, правда, свежо, но все равно приятно.

Проходя мимо витрины обувного магазина, Мила ненароком бросила туда взгляд. В витрине было выставлено несколько пар обуви, в основном уже осенняя коллекция. Среди них стояли красивые лакированные полуботинки – лоферы. Мила подумала, что ей бы такие не помешали на осень, и тут же удивилась – о чем она думает? В ее жизни происходит черт знает что, от нее ушел муж, в квартире хозяйничают какие-то люди, а она разглядывает витрины...

И тут она заметила в этой витрине отражение проходившего неподалеку мужчины.

Это был Павел!

Сердце часто забилося, во рту пересохло, горло перехватил спазм. Мила резко обернулась...

Но на том месте, где только что был Павел или кто-то очень похожий на него, стояла тетка лет пятидесяти с толстым пятилетним внуком. Мальчишка в полном упоении облизывал эскимо, тетка разговаривала по телефону.

Павла не было, да вообще не было ни одного индивидуума мужского пола, кроме этого пятилетнего внука.

Мила на всякий случай оглядела всю улицу, не нашла никого похожего на Павла и медленно двинулась вперед.

«Ну вот, – думала она, – у меня уже начались глюки... Что Павлу тут делать? Ведь он ясно дал понять, что начинает новую жизнь и к ней, Миле, больше не вернется».

Три раза повторил, чтобы она поняла. И то правда, вчера до нее все плохо доходило, как обухом по голове стукнули его слова. Но сейчас-то она в здравом уме.

Нет, это точно глюки. Вчера перебрала спиртного, сегодня умаялась с уборкой, нет, нужно идти домой и лечь спать. И в магазин она не пойдет, сил нет совсем...

Вдруг кто-то взял ее за локоть.

Мила вздрогнула и обернулась.

Рядом с ней шел высокий худой мужчина с темными масляными глазами и маленькой аккуратной бородкой. Он держал Милу за локоть – довольно деликатно – и смотрел выжидающе.

Мила подумала, что это нахальный уличный ловелас, выдернула локоть и раздраженно проговорила:

– Что вам нужно? Оставьте меня в покое!

– Ну зачем вы так! – проговорил незнакомец мягким бархатным голосом. – Мне нужно с вами поговорить... Милица Владимировна. Об очень важном деле...

– Ой! – вскрикнула Мила.

Значит, это не уличный приставала...

Раз он знает, как ее зовут, – это... неизвестно кто, но кто-то куда более опасный. И непонятный.

Потому что все друзья и знакомые, буквально все, знают, как она ненавидит свое полное имя. И никогда и никому его не называет. Даже под пыткой.

Значит... значит, этот тип узнал его из официальных источников. А официальные люди на улицах за руку не хватают, они по телефону звонят и представляются солидным голосом, а потом к себе вызывают по нужному адресу. Или домой приходят и документы в дверях показывают. А тут все не так.

Она вспомнила свою разгромленную квартиру и заверещала дурным голосом:

– Помогите! Грабят!

– Ну вот это вы зря... – разочарованно протянул незнакомец и попятился.

Тут же рядом с Милой возник огромный черный пес с вываленным языком, и раздался хрипловатый лающий голос:

– Девушка, что случилось?

Мила удивленно и испуганно моргнула, и тогда увидела, что за черным псом появился мужчина лет сорока, чем-то неуловимо похожий на свою собаку. Такое же выражение морды, то есть лица, только язык не вывален.

Ну, слава богу, а то она уже подумала, что ей померещился говорящий пес.

Мила огляделась в поисках человека с бородкой – но его и след простыл.

– Так что случилось? – повторил хозяин собаки.

– Ох, извините... ко мне привязался какой-то нахал, но вы с ним, – Мила кивнула на ротвейлера, – вы с ним его спугнули...

– Какой-то нахал? – мужчина оглянулся, никого не увидел поблизости и пожал плечами. – Так, значит, теперь все в порядке? Может быть, вас куда-то проводить?

– Нет, спасибо, не нужно... все в порядке... я живу совсем близко... – Мила вымученно улыбнулась и пошла дальше под внимательным взглядом двух пар глаз.

Зайти в магазин она благополучно забыла, так что просто выпила чаю с темным кусковым сахаром, пачка которого в процессе обыска упала на пол неповрежденной.

После чая Мила оглядела прибранную квартиру и решила, что самое время ей лечь спать.

Заснула она быстро, и снился ей странный сон.

В этом сне она стояла на палубе старинного корабля, впереди нее стоял человек в черном бархатном камзоле, отделанном серебряным галуном, с кружевными манжетами на рукавах. В подзорную трубу он смотрел на горизонт.

Вдруг он шагнул вперед, взмахнул рукой и крикнул:

– Пираты!

Тут же на его плечо спланировал большой красный попугай и крикнул, словно передразнивая хозяина:

– Пир-раты! Гр-рабители!

И в этот момент Мила проснулась. Проснулась от какого-то постороннего звука, вторгшегося в ее сон.

Стояла глубокая ночь, в квартире царила тишина...

Нет, не полная тишина.

Из-за двери спальни, со стороны прихожей, донесся приглушенный звук.

Мила поняла, что это такой же звук, как тот, который ее только что разбудил.

Тихий скрип отворяемой входной двери...

В первый момент спросонья она вообразила, что это Павел вернулся ночью из командировки и тихонько открывает дверь, чтобы ее не разбудить...

Но тут она проснулась окончательно и вспомнила, что муж от нее накануне ушел. Кроме того, она поменяла замки, и даже если бы Павлу вздумалось зачем-то прийти посреди ночи, он не смог бы попасть в квартиру.

Дверь еще раз скрипнула, потом раздался какой-то стук, и мужской голос тихо выругался.

И тут же второй человек шикнул на первого:

– Тш-ш! Ты ее разбудишь раньше времени!

Тут Миле стало по-настоящему страшно. Потому что слабая надежда на то, что это явился муж, теперь окончательно растаяла, как дым. Вот именно: несмотря ни на что, она надеялась, что Павлик вернется, что все, что случилось в пятницу, окажется неправдой. Теперь же она окончательно проснулась и выругала себя за глупые надежды.

Да смирись уже, наконец, с тем, что тебя бросили! Подлю, мерзко, отвратительно, но бросили. И с этим ничего не поделаешь, нужно как-то приспособливаться.

Тем более что данный момент явно не тот, когда можно предаваться печали. К ней снова кто-то вломился.

Она ощутила неприятное покалывание в корнях волос... это наверняка те же люди, которые утром проникли к ней в квартиру. И новые замки их нисколько не задержали. И на этот раз они пришли ночью, точно зная, что хозяйка дома...

Господи, ну что им нужно?

Мелькнула мысль кому-то позвонить... но кому?

В полицию? Но пока они приедут, ее уже могут убить... Отчего-то она твердо знала, что эти люди шутить не будут.

А самое главное...

Мила вспомнила, что накануне оставила телефон в сумке, а сумку – в прихожей... так что о звонках можно забыть! Надеяться можно только на себя саму!

Стараясь двигаться бесшумно, она выскочила из кровати, подкралась к двери...

На двери спальни была задвижка, которая осталась от старых жильцов. Они купили эту квартиру недавно, чуть больше года назад, и денег на хороший ремонт не было, просто обои переклеили самостоятельно да линолеум в прихожей перестелили. Павлик сказал, что денег подкопят и потом уже займутся ремонтом. Ага, как же...

Мила тут же одернула себя: о чем она думает? Ее сейчас убивать станут, а она про ремонт...

Задвижка была очень хлипкая, сломать такую можно одним ударом. Мила все же задвинула ее, а потом для верности заблокировала дверную ручку ножкой стула.

Так она хоть немного задержит этих людей...

Но опять-таки, надолго дверь их не остановит, она выиграет не больше нескольких минут.

И тут она сообразила, что из спальни есть выход на балкон...

Не рассуждая, Мила осторожно раздвинула шторы, открыла балконную дверь, как была, в пижаме, выскользнула на балкон и закрыла дверь за собой...

Ее охватила ночная свежесть, от которой Мила уже окончательно проснулась и осознала, что оказалась в ловушке.

Вот она стоит на балконе, и что дальше?

Она живет на пятом этаже, летать не умеет.

Те люди, которые влезли в квартиру, скоро проникнут в спальню, не найдут ее, выглянут на балкон – и вот она я! Берите меня тепленькую! Что они и сделают.

Так что она выиграла в лучшем случае пару минут...

Мила зябко поежилась и огляделась.

Ни одно окно в доме не светилось.

Все люди благополучно спали, и надеяться на их помощь не приходилось...

Неподалеку от нее, метрах в двух, был балкон той квартиры, где жила ее новая соседка Клава. Вот если бы Мила каким-то чудом смогла перебраться на ее балкон...

Но летать она, как уже сказано, не умеет.

Тут Мила вспомнила, как в прошлом году рыжий кот Розалии Яковлевны прыгнул с балкона за птичкой.

Птичку он упустил и чуть не разбился, но чудом уцепился за ветку огромной липы, что растет возле самого дома, а уже с той липы его выманили рыбным паштетом на соседский балкон...

Розалия уже хотела МЧС вызывать, забыв, что кот обожает рыбный паштет и за него не только родную хозяйку продаст, но и на чужой балкон запросто перепрыгнет.

Мила посмотрела на эту липу. Да, конечно, возле нижнего этажа ветки толще, опять же весит она побольше кота, хоть Розалия его неприлично раскормила.

Однако один толстый сук дотянулся почти до самого ее балкона, не доставая до него меньше чем на метр. Судя по внушительному виду, он мог бы выдержать вес не только кота, но и человека.

А что, если...

Мила взглянула вниз.

Ей стало страшно...

Внизу стояли припаркованные машины, которые с высоты пятого этажа казались маленькими, как майские жуки. Если она сорвется отсюда, костей не соберет...

И тут из спальни донесся приглушенный скрип.

Там уже пытаются открыть дверь... еще немного, и они ее найдут... Пока громко стучать боятся, но скоро осмелеют.

Мила взвешивала два страха – страх высоты и страх перед теми двумя бандитами, которые ломились в спальню. И высота показалась ей уже не такой страшной.

Она огляделась.

На балконе не было порядка, до балкона она в процессе уборки не добралась. Зато эти, утром, успели тут побывать. Раньше стояли здесь коробки с остатками краски от ремонта, старый неработающий пылесос и тому подобное барахло. Теперь это все валялось вперемешку, из новых вещей были только швабра и половая тряпка, Мила выставила их на балкон, чтобы просохли.

Недолго думая, Мила схватила швабру, зацепила ею ветку липы, подтянула ее к балкону. Не отпуская, привязала к перилам тряпкой. Вместе с этой веткой она подтянула к своему балкону тот самый толстый сук.

Теперь до этого сука можно было запросто дотянуться.

Стараясь не смотреть вниз и сжимая швабру под мышкой, Мила осторожно перелезла через перила, ухватилась за сук и вскарабкалась на него.

Ничего, получилось; хорошо, что совершенно нет у нее лишнего веса.

Невольно она представила, как выглядит со стороны.

В одной пижаме, со шваброй наперевес, Мила сидела верхом на суку, на высоте пятого этажа... ужас! И картинка с черным котом на груди. Вылитая ведьма! С тем только отличием, что ведьмы вроде как умели летать, а она – нет.

Но зато теперь ее не достанут бандиты, вломившиеся в квартиру...

Однако впереди ее ждала самая тяжелая часть операции.

Мила потянулась к перилам своего балкона, отвязала тряпку...

Сук, на котором она сидела, угрожающе заскрипел, немного покачался, но не сломался, а вернулся в прежнее положение – между ее балконом и Клавиным.

Мила зацепилась шваброй за перила Клавиного балкона и потянула за нее.

Сук предательски затрещал... А сердце у Милы пропустило пару ударов.

Что, если сук сломается?

Мила с трудом удержалась от того, чтобы посмотреть вниз, и потянула сильнее.

Сук снова затрещал, но ей все же удалось подтянуться ближе к соседнему балкону.

Не выпуская швабры, она снова привязала сук к перилам... После этого осторожно поползла к балкону.

Сук под ней трещал и прогибался. Совершенно некстати Мила вспомнила про кота Розалии Яковлевны, как он орал от страха. А ведь говорят, что кошки умеют падать на лапы...

Ей не хотелось думать, что будет, если сук не выдержит ее веса и сломается...

Но вот Мила подползла к самому балкону, ухватилась за перила и перевела дыхание. Теперь даже если сук сломается, она не упадет, а повиснет на балконных перилах...

Мила представила, как висит на этих перилах, болтая ногами, и эта картина не доставила ей удовольствия.

Она собралась с силами и перелезла через перила...

Вот теперь можно было отдышаться – она больше не висела на ветке, как птица на проводе или кошка на заборе, а стояла на соседском балконе, под ногами у нее была устойчивая бетонная плита... Кстати, очень холодная.

Мила немного успокоилась и только теперь почувствовала, что сейчас хоть и на удивление теплый сентябрь, однако ночи все же холодные, а она – в одной тоненькой пижаме... до сих пор в горячке бегства она не ощущала холода, а теперь он проник до самых костей.

Мила подошла к балконной двери и подергала ее.

Дверь была заперта.

Ничего удивительного...

Она постучала в стекло согнутыми пальцами, сперва тихонько, потом посильнее.

Ничего не произошло – видно, Клава крепко спала.

Холод проникал все глубже и глубже, и Мила изо всех сил постучала в дверную раму ручкой швабры.

Почти минуту ничего не менялось, и Мила уже решила, что она так и замерзнет на балконе, как вдруг перед ней за стеклом возникло, словно проступив из темноты, удивленное лицо.

Мила не сразу узнала Клаву. Куда делась разбитная деваха, которая пела частушки, сидя с ней за одним столом? Взгляд не сонный и не подозрительный, как будто все в большом городе только и думают, как бы девушку обидеть или обокрасть. Миле показалось даже, что Клава похудела и движения стали другие.

Но в следующий момент Клава словно опомнилась и надела привычную маску. Брови соседки поднялись домиком, глаза удивленно округлились, зашевелились губы, но слов не было слышно – стеклопакет не пропускал звуки.

– Это я, Мила! – проговорила Мила, хотя и понимала, что Клава ее не услышит.

И не узнает. А если узнает, то ни за что не откроет балконную дверь. Во всяком случае, она, Мила, наверно, так бы и сделала, если бы у нее на балконе материализовалась среди ночи странная фигура в пижаме и со шваброй наперевес...

Как ни странно, соседка все же открыла дверь.

– Ты, что ли, Милка? – проговорила она удивленно.

– А кто же еще?

– Видела бы ты себя! В пижаме, растрепанная, со шваброй в руках... красавица! На Хэллоуин не нужно костюм покупать! Первый приз гарантирован!

– Нашла время прикалываться! – проворчала Мила. – Можно, я хотя бы войду, а то здесь холодно!

– Да, конечно, заходи, будь как дома! – Клава посторонилась, пропуская ее в комнату, как будто в этом не было ничего особенного, но все же спросила: – Слушай, а как ты вообще сюда попала?

– Перелетела с балкона на балкон... Вот, кстати... – Мила отвязала сук, который убрался обратно к липе с негодующим скрипом.

– У тебя что – моторчик с пропеллером на спине? – Клава сделала вид, что рассматривает спину соседки.

– Ладно тебе. Ты мне чаю горячего не нальешь, а то зуб на зуб не попадает? Извини, конечно, что вперлась к тебе посреди ночи, но у меня не было другого выхода...

– Хочешь коньяку? Лучше всякого чая согревает! Пока еще чайник вскипит!

Мила вспомнила, как прошлый раз напилась с Клавой, и хотела отказаться, но потом махнула рукой:

– Витькин, что ли? А давай!

Клава извлекла откуда-то пузатую бутылку темного стекла и две рюмки, налила, одну рюмку протянула Миле. Та с сомнением взглянула на рюмку, но выпила и сразу почувствовала, как по телу разлилось живительное тепло.

– А что – хорошо! – выдохнула она. – Павлик говорил, что у Витьки коньяк хороший, он денег много зарабатывал...

– Еще бы! Хочешь еще рюмку?

– Пожалуй, хватит.

– А тогда все же объясни, что у тебя случилось и как ты оказалась на моем балконе.

– Дверь закрой! – Мила осторожно выглянула из окна, прикрывшись одеялом.

Занавесок у Витьки отродясь не водилось, он вообще был мужчиной нехозяйственным. Свет в ее квартире эти двое зажигать все же побоялись, вместо этого видны были мелькающие отблески фонарей.

Это они ее, что ли, ищут?

– Давай мы тоже свет погасим! – сказала она, оглядев комнату, в которой, как ни странно, был относительный порядок.

Нигде не валялись предметы женской одежды, не торчали из-под стола чемоданы и сумки, не разбросана косметика. Диван разобран, ну так ночь на дворе, люди спят.

– Рассказывай! – предложила Клава.

Мила, сбиваясь и повторяясь, рассказала соседке, как проснулась посреди ночи от странных звуков, как поняла, что в ее квартиру кто-то пробрался, и как перелезла с балкона на балкон.

Клава выглянула на свой балкон, прикинула расстояние до соседнего и присвистнула:

– Ну, подруга, тебе только в цирке выступать! Я бы на такое не решилась... хотя не знаю... в жизни всякое может случиться, так что лучше не зарекаться...

– Что же мне теперь делать? – опомнилась Мила. – Они ведь там, в моей квартире, сейчас хозяйничают... наверное, нужно скорее полицию вызвать?

– Никакой полиции! – строго возразила соседка. – Мы их сейчас сами шуганем!

– Сами? – переспросила Мила.

– Конечно! В таких делах нужно сунуть палку в муравейник!

– Какую палку?

– Да ну тебя, ты еще не проснулась, что ли? Совсем не врубаешься! Смотри и учись!

Клава вышла в прихожую, остановилась, задумчиво наморщив лоб, затем вытащила из-под вешалки пластиковый пакет и достала оттуда моток тонкой лески.

Отрезала от этого мотка кусок около трех метров длиной, выглянула в дверной глазок и, убедившись, что за дверью никого нет, вышла на лестничную площадку в чем есть – то есть босиком и в длинной Витькиной футболке с надписью «Нефтепром».

Мила побоялась выходить из квартиры и из-за двери наблюдала за действиями соседки.

Та для начала подошла к краю площадки, наклонилась и привязала один конец лески к нижней части перил, а другой – к торчавшему из стены обрезку толстого медного провода, оставшемуся, должно быть, после недавнего ремонта.

– Это зачем? – шепотом спросила Мила.

– Увидишь! Я же говорила – палку в муравейник! – Клава осмотрела результат своих действий, удовлетворенно кивнула и подошла к двери Милиной квартиры.

Она принялась колотить в дверь кулаками и раздраженным голосом прокричала:

– Милка, свинья ушастая, у тебя что-то горит! Дым идет, дышать невозможно!

Тут же она метнулась обратно в свою квартиру, захлопнула дверь и прильнула к глазку.

– Ну, что там? – прошипела Мила.

– Ну, смотри сама!

Клава отодвинулась от глазка, уступая место соседке. Мила выглянула – и как раз в это время дверь ее квартиры открылась, и оттуда выскользнули два человека.

Глазок искажал их внешность, но Мила все же поняла, что один – выше и худее, второй – низенький и толстый. Высокий к тому же был еще и лысоват.

Одеты оба были во что-то серое и неприметное.

Не задерживаясь на площадке, криминальная парочка бросилась к лестнице.

Долговязый бежал первым и зацепился ногой за натянутую Клавой леску. Он вскрикнул и покатился вниз по лестнице, беспорядочно размахивая руками, словно пытаясь остановиться.

Коротышка успел вовремя затормозить, наклонился, увидел натянутую леску, грязно выругался, перешагнул через нее и сбегал по лестнице к своему напарнику, который неподвижно лежал на промежуточной площадке, раскинув длинные конечности, как огромное длинноногое насекомое.

Он наклонился над приятелем, потряс его. Пару раз хлопнул по щекам и проговорил:

– Ты чего, Паук, сдох, что ли? Не валяй дурака, очнись! Мне тебя на себе не донести до машины!

Мила подумала, что долговязому типу подходит его кличка – он и правда похож на огромного паука.

Паук как будто прислушался к словам своего подельника, застонал и приподнялся. Коротышка помог ему встать.

– Идти-то можешь? – спросил он с сомнением.

– Кое-как... – Долговязый оперся на плечо приятеля и похромал вниз по лестнице, то и дело постанывая.

– Вот как раз это я называю «сунуть палку в муравейник»! – гордо сообщила Клава и с этими словами вышла на площадку, обрезала леску и аккуратно смотала ее. – А то кто-нибудь из соседей ноги переломает. А то и шею.

– Да, с леской – это у тебя хорошо получилось! – одобительно отозвалась Мила. – А ты что – рыбалкой увлекаешься?

– Что? Какой рыбалкой?

– Ну, у тебя нашлась эта леска.

– А, ну да. Да она Витькина, я случайно увидела...

С этими словами она шагнула обратно в квартиру.

Мила пошла было за ней, но тут заметила на полу какой-то небольшой предмет, наклонилась и подняла его.

Это был маленький картонный или пластиковый квадратик.

Мила сунула его в карман пижамы, отчего-то ничего не сказав об этом Клаве.

Та обернулась и проговорила:

– А может, ты хочешь еще коньяку? Прошлый раз хорошо пошел. Или чаю – он вскипел.

– Да, хорошо бы чаю...

Клава шагнула в сторону кухни и вдруг резко остановилась на полдороге.

– Он ведь что-то сказал насчет машины!

– А, да, сказал, что до машины напарника не донесет...

– Значит, они на машине приехали!

– Ну а как еще посреди ночи доберешься?

– Значит, нужно посмотреть, какая у них машина. Вон то окно выходит на нужную сторону...

– Да они уже, наверное, уехали!

– Не успели, этот длинный еле шел!

Клава бросилась к окну, но снова остановилась, не добрав до него, вернулась к тумбочке и достала из нее театральный бинокль, отделанный перламутром.

– Чего только у Витьки этого в доме нет... Слабенький, конечно, но лучше, чем ничего... Она открыла окно, перегнулась через подоконник и приставила бинокль к глазам.

– Черт, я в темноте плохо вижу! – пожаловалась она. – Куриная слепота называется.

Посмотри ты!

Мила взяла бинокль, выглянула в окно, пригляделась.

Как раз в это время криминальная парочка вышла из подъезда.

Долговязый Паук шел медленно, хромая и спотыкаясь, опираясь всем весом на плечо своего напарника. Тот оглядывался по сторонам и что-то недовольно ворчал.

Таким манером они прошли метров двадцать и подошли к черному микроавтобусу с темно-красной надписью на борту.

Эта надпись была плохо видна из-за неудачного ракурса.

– Черт, не прочитать, что там написано...

– А ты на балкон выйди! – посоветовала Клава.

Мила невольно поежилась, вспомнив свои приключения на балконе, но все же вышла, выглянула через перила и подкрутила колесико бинокля, увеличивая резкость.

Ночные визитеры как раз погрузились в черный микроавтобус, он фыркнул мотором и развернулся, чтобы отъехать. И в этот момент Мила смогла разглядеть надпись на борту.

Там был в красках изображен траурный венок, вокруг которого вислась надпись вычурным славянским шрифтом: «Вечная память. Все для похорон».

– Автобус похоронного бюро! – констатировала Мила.

– Это нам пока еще рано, – отозвалась Клава, выглядывая из-за ее плеча.

– Так что насчет чая?

Они выпили на кухне чаю, и Мила задумалась, где ей ночевать: до утра оставалось еще несколько часов, и, несмотря на перенесенные приключения, Мила захотела спать.

У Клавы лишнего спального места не было, да та ей и не предлагала свое гостеприимство. Спать же в своей квартире было страшно – криминальные гости легко в нее проникли, и Мила не смогла бы заснуть, всю ночь вздрагивала бы, прислушиваясь к звукам в прихожей.

Она поделилась своими страхами с Клавой.

Соседка оживилась и уверенно заявила:

– Сейчас я тебя научу, как из подручных средств можно сделать охранную сигнализацию!

Она взяла пустую бутылку (в углу кухни стояло несколько штук, от Витьки остались) и вместе с Милой перешла в ее квартиру. Здесь, остановившись в прихожей, она закрыла входную дверь и осторожно пристроила бутылку на дверную ручку.

– Вот так! – Она сняла бутылку с ручки и протянула ее Миле. – Поставишь ее сюда, когда я уйду. Теперь, если кто-то попытается войти в квартиру, бутылка упадет, разобьется, и ты тут же проснешься.

Мила поблагодарила соседку, и та ушла к себе.

Проводив Клаву, Мила попыталась снова пристроить бутылку.

У Клавы это получилось ловко, сейчас же Мила никак не могла установить ее устойчиво. Бутылка тут же падала, и Мила едва успевала ее подхватить.

Она уже отчаялась повторить Клавин фокус, как вдруг, на десятый или пятнадцатый раз, ей удалось добиться устойчивого равновесия.

Стараясь не дышать и не топтать, она тихонько отошла от двери и добралась до спальни.

Только что ей ужасно хотелось спать, но, устроившись в кровати, Мила поняла, что сна у нее ни в одном глазу.

Ей все время мерещились какие-то странные звуки, доносящиеся из прихожей, – то подзвонительные скрипы, то шорохи, а то даже приглушенный шепот.

Она пыталась убедить себя, что там никого нет, что всякая попытка войти в квартиру обернется грохотом упавшей бутылки...

Но никакие логические заверения на нее не действовали, и через минуту она снова подсакивала в испуге.

Наконец она не выдержала и встала.

Лоб покрылся испариной, и Мила полезла в пижамный кармашек, где лежали салфетки. И тут ей в руку попал какой-то маленький твердый предмет.

Она достала его из кармана, удивленно взглянула...

Это был маленький квадратик из твердого картона или пластика, наподобие телефонной сим-карты, но немного другой.

Мила не сразу сообразила, откуда у нее в кармане взялся этот квадратик. События сегодняшней безумной ночи уже перемешались у нее в голове.

Наконец она вспомнила, что подобрала его на лестнице, на том месте, где упал долговязый Паук, споткнувшись о леску. Наверное, тогда эта карта и выпала из его кармана...

Ну да, Мила поняла, что держит в руке карту памяти для телефона или ноутбука.

Вот это находка!

Она взяла свой телефон, открыла его, осторожно вставила внутрь карту памяти.

Затем она снова устроилась в кровати и запустила приложение для просмотра фотографий.

На экране телефона одна за другой появлялись фотографии.

Мила подумала, что владелец этой карты был фанатом старинного холодного оружия. На всех фотографиях были клинки – длинные и короткие, узкие и широкие, с прямыми лезвиями и изогнутыми.

Мила, разумеется, не знала их названий, могла только догадываться – некоторые были, скорее всего, шпагами, другие, с изогнутым лезвием, – саблями или шашками. Были здесь кинжалы и кортики, но дальше этого Милины познания не простирались.

Все эти клинки были красивы той лаконичной, функциональной красотой, которая отличает мастерски сделанное оружие, особенно старинное; кроме того, они были богато отделаны – позолоченные рукоятки и ножны, некоторые украшены цветной эмалью, инкрустацией и даже драгоценными камнями.

Впрочем, саму Милу холодное оружие не очень интересовало, но что эти снимки говорили об их владельце?

Она еще немного полистала фотоальбом, и вскоре у нее запестрело в глазах от бесчисленных лезвий и рукоятей, глаза начали слипаться, и наконец Мила заснула.

Ей снилось, что она идет по узкой безлюдной улочке незнакомого средневекового города.

Под ногами у нее булыжная мостовая, по сторонам – мрачные каменные стены, высоко над головой – узкая полоса лилового ночного неба, в котором мерцает одинокая звезда.

Мила спешит, она хочет как можно скорее вырваться из этой улицы к свету, к людям...

Она знает, что где-то впереди – ярмарочная площадь, лотки с горячим пуншем и сладкими пряниками, карусели, шарманки, яркие вертепы бродячих кукольников...

И вдруг она слышит позади чьи-то шаги.

Неровные, сбивающиеся с ритма, – должно быть, идущий следом человек хромает. Но тем не менее он идет очень быстро, неумолимо приближаясь к беглянке.

Шаги эти отдаются от каменных стен, двоятся и множатся, словно позади нее идет не один человек, а целая толпа... шаги приближаются, нагоняя ее...

Мила прибавляет шаг, чтобы оторваться от своего преследователя – но его шаги все громче, все ближе...

Она идет еще быстрее, почти переходит на бег – но это не помогает.

Миле хочется оглянуться, чтобы увидеть своего преследователя, взглянуть в его глаза... Но в глубине души она знает, что этого ни в коем случае нельзя делать, что, увидев его лицо, тем более заглянув в его глаза, она попадет в страшный, смертельный плен...

Вдруг где-то высоко над ее головой открывается окно.

В него выглянула какая-то женщина...

Мила запрокидывает голову, она смотрит на незнакомую женщину с мольбой, надеясь, что та поможет ей, покажет выход из этого каменного ущелья, – но незнакомка в ответ на немую мольбу раздражается страшным, издевательским хохотом.

Мила смогла наконец разглядеть ее лицо – и похолодела от ужаса: у незнакомки единственный глаз посреди лба, а по углам ее хохочущего рта торчат кривые клыки...

Мила уже бежит, но шаги за спиной все громче, все ближе.

Наконец она добегает до угла, улица делает крутой поворот...

Вперед, скорее вперед! Там, за углом, должны быть люди, должен быть свет...

Но за углом та же самая улица, то же самое беспросветное каменное ущелье!

Мила бежит, задыхаясь, она уже потеряла надежду и бежит просто по привычке, по инерции.

Преследователь все ближе...

Мила уже чувствует спиной его горячее дыхание...

И вдруг впереди нее из глубокой ниши в каменной стене выходит человек.

Худой и мрачный, как ворон, он одет во все черное.

– Помогите! – кричит Мила из самых последних сил, на последнем дыхании.

Человек в черном ничего не говорит, он молча кивает и встает посреди улицы, лицом к Миле и ее преследователю.

Мила по инерции пробегает мимо него, и только после этого останавливается и поворачивается.

Только теперь она видит своего преследователя.

Это не человек. Это темная, бесформенная фигура, непрерывно меняющая свои очертания.

Вот она превратилась в клубящееся черное облако, из которого проглядывают страшные, уродливые лица... вот она становится огромным косматым зверем...

И все время из глубины этого создания выглядывают пристальные голодные глаза.

Мила понимает, что, попав под гипноз этого взгляда, она исчезнет, пропадет, страшное создание выпьет ее взглядом.

Но теперь она в относительной безопасности, потому что между ней и бесформенным монстром стоит человек в черном и именно на него устремлены глаза монстра...

А человек в черном тем временем что-то говорит монстру.

Мила прислушивается к его словам – но не понимает их: незнакомец говорит на странном, незнакомом, удивительном языке, в котором явственно слышится вой ночного ветра, шум бушующего моря, звон мечей и конский топот.

Эти слова заставляют монстра остановиться, но он не думает отступить.

Бесформенное облако становится больше и темнее, оно поднимается к крышам домов, собираясь потом обрушиться на Милу и ее мрачного защитника...

И тут человек в черном выхватил из висящих у него на боку ножен узкий клинок.

Монстр раздражается рокошущим смехом, больше похожим на горную грозу...

Но человек в черном взмахивает своим клинком, словно рисуя в воздухе сложный узор, – и там, где прошло лезвие его клинка, воздух начинает светиться, искриться, переливаться, как радуга.

И вот уже между черным человеком и безликим монстром возникает светящаяся, переличатая пелена.

И монстр, оставшийся по другую сторону радужной завесы, начинает бледнеть, уменьшаться в размерах...

И вот он уже исчез, растворился во тьме. Его словно никогда и не было.

Мила поворачивается к своему неожиданному спасителю, чтобы поблагодарить его...

Но вдруг видит, что у человека в черном нет лица. На месте лица гладкая фарфоровая маска без глаз, безо рта.

Мила вскрикнула от ужаса...

И проснулась.

За окном было пасмурно, по стеклу стекали капли дождя. Мила с трудом подняла руку, чтобы взглянуть на часы, что лежали у кровати. Ого, десятый час уже, ну она и решила лечь спать.

Она попыталась встать и поняла, что с ней что-то не так. Болело все: голова, горло, шею не повернуть, и руки-ноги ломит.

Все ясно: минувшей ночью она все-таки простудилась на холодном балконе. У нее всегда так: организм быстро дает понять, что болен. Несколько часов всего прошло, а она уже никакая. И температура небось высокая.

Мила все-таки заставила себя встать и пойти по квартире в поисках аптечки. Хорошо, что вчера убрала все на место, а эти двое, что пришли ночью, действовали осторожно, видно, боялись, чтобы соседи не услышали. Только задвижку на двери спальни вырвали с мясом да ножку у стула поломали. Это, как говорил муж, семечки...

На этой мысли Мила споткнулась и едва не упала, с трудом удержавшись за стену.

Ну вот, раньше, когда она болела, муж все-таки за ней как-то ухаживал. Тем более что болела она недолго, так что ему такое времяпрепровождение не успевало надоесть. А теперь вот... ну да, муж ушел, и с этим, похоже, ничего не поделаешь.

Она нашла в ящике кухонного стола градусник, сунула под мышку и присела тут же за стол. Ого, тридцать девять и пять! Ну, она так примерно и думала.

Одно хорошо: чем выше температура, тем быстрее она пройдет, такое уж свойство у ее организма.

Хватило сил еще поставить чайник и отыскать в холодильнике полусохший лимон.

До вечера она провалялась в кровати, изредка ненадолго выныривая из забытья, чтобы выпить остывшего чая.

Мобильник разрядился, и никто ее не беспокоил. Никто не звонил в дверь, и бутылка не падала и не разбивалась с грохотом, так что Мила проснулась утром не то чтобы совсем здоровая, но вполне можно было в таком виде идти на работу.

Включив телефон, она увидела, что полно звонков от Таисьи. Мила и не подумала отвечать, занесла ее номер в черный список и отправилась на работу.

В офисе девчонки, конечно, приступили с расспросами, как все прошло да что подарил муж на годовщину свадьбы.

Мила сделала загадочное лицо и сказала, что все прошло просто отлично и что муж подарил ей поездку, а куда – она не скажет, чтобы не сплести. Но Светка Цыпина, которой всегда больше всех надо, заметила, что выглядит Мила неблестяще: что ли, два дня они с мужем из постели не вылезали?

Пришлось признаться, что болит горло от выпитого накануне слишком холодного шампанского.

От дальнейших расспросов спасла Милу Ангелина Геннадьевна – она цыкнула на Светку и призвала остальных к работе, пока начальник не рассердился.

К таверне «Зеленая арфа» подъехал одинокий всадник в пыльном дорожном плаще, на усталой гнедой кобыле. Всадник спешил, привязал лошадь к коновязи и вошел в таверну.

К нему тут же устремился горбатый слуга, угодливо поклонился и спросил:

– Что будет угодно доброму господину? Выпивку, ужин, а может быть, ночлег?

– Это потом. А сперва я хочу увидеть сэра Сорли.

– Не знаю такого, – ответил слуга, и лицо его стало непроницаемым.

– Знаешь, – скривился путник. – Мне передали, что сэр Сорли при смерти. И перед смертью он хочет увидеть меня.

– Кто вам такое сказал?

– Дик Финнеган.

– А больше он вам ничего не сказал?

– Он сказал еще, что для Макдоннеллов даже омела в этом году не так зелена, как прежде.

– А, так бы сразу и говорили, сэр... а то я ведь не знаю, кто вы такой. Вокруг шныряет много английских шпионов.

– Ну, теперь-то ты знаешь, кто я. Так проводи меня к сэру Сорли Бою.

– Пройдемте со мной, сэр...

Горбун согнулся еще ниже и, быстро миновав шумный и людный общий зал таверны, прошел через низкую дверь за стойкой.

Гость следовал за ним.

Они оказались в кладовой, где были составлены бочонки с элем и ящики с сушеной рыбой. Тут же возился здоровенный детина.

При появлении гостя он замычал и схватил огромную суковатую дубину.

– Не волнуйся, Робин, – успокоил слуга немого. – Это свой. Он пришел издалека, чтобы повидать сэра Сорли. Лучшее открой-ка нам дверь.

Немой еще что-то промышчал, откатил от стены один из бочонков. За ним оказалась обитая гвоздями дверь. Немой открыл дверь и отступил в сторону.

За дверью были уходящие в подвал крутые ступени.

Горбун полез вниз; гостю ничего не оставалось, как последовать за ним.

Они спустились по лестнице и оказались в большом сводчатом подвале.

Здесь сидели и стояли десятка полтора мрачных мужчин. Многие были вооружены пистолетами и палашами, кое-кто – простой суковатой дубинкой. Кто-то вполголоса переговаривался, кто-то пил эль из оловянной кружки.

Все покосились на вошедших.

Отделившись от прочих, к ним подошел рыжеволосый человек лет сорока с палашом на боку.

– Какая погода наверху? – спросил он приезжего и немного выдвинул свой палаш из ножен.

– Погода скверная, а для Макдоннеллов даже омела в этом году не так зелена, как прежде.

Рыжеволосый кивнул и вдвинул клинок в ножны.

– Кто вы, сэр? – спросил он.

– Я – Эгмунт Маклафлин.

– Я много слышал о вас, – в голосе рыжеволосого прозвучало уважение. – Что привело вас сюда?

– Сэр Сорли хотел меня увидеть.

– Тогда поторопитесь. Сэр Сорли при смерти. Вам повезло, что вы его застали.

Он кивнул горбатому слуге и провел гостя в дальний конец подвала, где была еще одна дверь.

Открыв эту дверь, он проговорил:

– Эгмунт Маклафлин к сэру Сорли!

С этими словами он пропустил гостя.

За дверью была еще одна комната, гораздо меньше первой.

Здесь было полутемно и душно, в воздухе разливался запах лечебных трав, и еще тот тягостный запах, который сопутствует болезни и приближающейся смерти.

В углу комнаты находилась низкая кровать, в которой полулежал старый человек с обветренным, исполосованным шрамами лицом. Вид у него был больной, и только в глазах еще горели воля и мужество.

Возле больного суетился старый лекарь, рядом с ним стояла знахарка.

– Приветствую вас, сэр Сорли Бой Макдоннелл! – проговорил гость, подходя к постели. – Рад видеть вас в добром здравии.

– Ты всегда любил пошутить, Эгмунт, но сейчас твое остроумие не очень уместно. Здравствуй, племянник. Хорошо ли ты добрался?

– Сейчас не самое время для вежливости, сэр Сорли. Вы хотели видеть меня – и я приехал, этим все сказано. Говорите, что я должен сделать.

– Ты – сын моей сестры, Маклафлин по имени, но Макдоннелл по крови.

– Это так, сэр Сорли.

– Значит, честь Макдоннеллов – это и твоя честь.

– И это правда.

– Ты знаешь, что случилось на острове Ратлин?

– Какой же ирландец не знает этого? Защитники замка сдались на милость победителей, но подлые англичане вырезали их всех, от мала до велика...

– Я умираю...

– Вы еще выкарабкаетесь, сэр!

– Не перебивай меня! – старик нахмурился. – Не перебивай и не спорь со мной! Я умираю и не смогу отомстить этим собакам. Ты должен сделать это за меня.

– Я почти это за честь!

– Многие из нашего клана готовы принять бремя этой мести, но мой выбор пал на тебя. Во-первых, ты сильный и опытный воин, во-вторых, не все знают о твоём родстве с Макдоннеллами.

– Я сделаю что должно, сэр!

– Я не сомневаюсь в твоих намерениях, но хватит ли у тебя сил?

– Вы знаете мой девиз – делай что должно, и будь что будет.

– Прекрасный девиз, но я хотел бы умереть, зная, что защитники Ратлина отмицены.

– Я сделаю...

– Подожди! – Старик поднял слабую руку. – Я дам тебе кое-что, что поможет тебе выполнить задуманное. Я дам тебе оружие, которому нет равных...

– Вы говорите о том самом клинке, который многие поколения хранится в вашей семье? О том клинке, который получил Томас Лермон от королевы фей?

– Именно о нём.

– Но я думал, что этот клинок – легенда...

– Не более чем сам Томас-Рифмач, от которого мы, Макдоннеллы, ведем свой род.

– Я буду счастлив получить это оружие и выполнить ваш приказ, сэр!

– Я надеюсь, что у тебя все получится!

Старик приподнялся в постели и хлопнул в ладоши.

Хотя его хлопок был негромким, тут же в комнате появилась, словно возникла из воздуха, невысокая седая женщина.

– Пэтти, – обратился к ней старик, – принеси мне то, что я тебе поручил.

Женщина взглянула на гостя и сказала:

– Ты никак малец Ламии?

– Да, леди, она была моей матерью.

– Ты очень похож на нее. И ты здорово вырос с тех пор, как я видела тебя последний раз. Затем она повернулась к старику и проговорила:

– Думаешь, он справится?

– Если не он, то кто же?

Женищина кивнула и вышла, чтобы через несколько минут вернуться, неся в руках большую арфу.

– Вы говорили о клинке, сэр... – разочарованно протянул гость.

– Он знает, о чем говорил! – перебила его женищина.

Она поставила арфу на пол и ловким движением разделила ее раму на две части.

Внутри между этими частями обнаружился длинный клинок в ножнах. Женищина вынула клинок и протянула его старику в постели.

Тот вынул клинок из ножен и сказал:

– Подойди ко мне, Эгмунт Маклафлин!

Эгмунт подошел к кровати и опустился на одно колено.

– Нарекаю тебя своим сыном и наследником. После моей смерти ты станешь таном клана Макдоннелл. Вместе с этим титулом я поручаю тебе месть за предательски убитых членов нашего клана!

С этими словами он коснулся клинком плеча Эгмунта.

– Благодарю вас, сэр!

– Теперь возьми этот клинок. Он послужит орудием твоей мести.

Эгмунт бережно взял клинок из рук умирающего.

– О нем много рассказывают такого, во что трудно поверить.

– И это правда. Скоро ты сможешь в этом убедиться. Важнейшее свойство этого клинка – в случае крайней опасности он может отвести глаза противнику. Стоит только выписать его концом руну «триктеллион», и враг не увидит тебя и твоих соратников...

Едва замолкло эхо этих слов, в комнату торопливо вошел рыжеволосый человек.

– Сэр, – обратился он к умирающему, – к таверне приближается отряд английских солдат. Нас кто-то предал.

При этом он покосился на Эгмунта.

– Это точно не он, – перебил его старик. – Я представляю тебе нового главу нашего клана. Сэр Эгмунт – мой наследник и станет таном сразу после моей смерти, ждать которой осталось недолго.

– Сэр... – рыжеволосый почтительно поклонился Эгмунту. – Как бы то ни было, всем нам нужно бежать, пока не поздно. Все мы успеем уйти по подземному ходу, а вас, сэр, мы вынесем на носилках.

– Не нужно. Мне осталось жить совсем недолго, и я хочу умереть, сражаясь.

– Но, сэр, вы слишком важны для нас...

– Я указал вам нового тана и могу уйти, когда пожелаю.

– Но вы не в состоянии поднять меч...

– У меня есть другое оружие! А теперь хватит препираться, выводи всех людей, и в первую очередь – нового тана!

Рыжеволосый поклонился старику и повел Эгмунта к потайной двери, скрытой за кроватью.

Вскоре все заговорщики, кроме старого лорда, покинули подземелье по тайному ходу.

В комнате остался только сэр Сорли.

Вдруг рядом с ним появилась седая женищина.

– А ты почему не ушла со всеми, Пэтти? – строго спросил ее лорд.

– Куда же я пойду без своего мужа и господина? Я так долго следовала за тобой, что уже привыкла. И в этот последний путь мы тоже пойдем вместе.

– Что ж, коли так... подай-ка мне поводья от нашего погребального возка!

Женищина обошла кровать и поднесла мужу концы толстых веревок, вроде тех, какими пользуются церковные звонари.

Прошло несколько минут, и на ведущей в подвал лестнице раздались тяжелые шаги многих людей. Тут же в подвал ввалились полтора десятка солдат во главе с долговязым офицером. Вместе с ними в подвале появился рыжий трактирщик.

– Говорю вам, сэр, здесь никого нет! – говорил трактирщик, пытаясь остановить офицера.

– Никого нет? – воскликнул тот и указал на старика в кровати и его жену. – А это кто? Домовые?

– Это мой престарелый дядюшка, он при смерти... дайте ему спокойно умереть!

– Я ему еще и помогу! Отправлю его к Богу хорошим пинком!

Офицер подошел ближе к кровати, пригляделся к старику и проговорил:

– Дядюшка, говоришь? А на мой непросвещенный взгляд, это закоренелый мятежник

Сорли Бой из клана Макдоннеллов!

– Вы ошибаетесь, сэр! – залепетал трактирщик.

– Не унижайся, Билли, перед этой английской собакой! – перебил его старик. – Ты прав, сынок. Перед тобой – Сорли Макдоннелл. Правда, от меня осталась только жалкая тень. Иначе я встретил бы тебя с мечом в руке...

– Хороший улов! – ухмыльнулся офицер. – Я давно тебя искал. Но там, где находится Сорли Бой, – наверняка можно найти еще десяток бунтовщиков. Где же они?

– Ты же видишь – здесь никого нет.

– Меня учили не верить глазам, когда дело касается ирландских собак. Тем более надежный человек сказал мне, что здесь я найду целую шайку бунтовщиков.

Офицер завертел головой и пошевелил носом, словно принохиваясь.

– Чую, ирландским духом пахнет! Ну-ка, старый бунтовщик, говори, где прячутся твои родичи и приятели, или я велю подпалить твои старые пятки.

– Делай со мной что хочешь, но я ничего не скажу.

– Да, я слышал о твоём упрямстве! А что ты скажешь, если я подпалю пятки твоей жене?

– Скажу, что ты – последний мерзавец! Впрочем, чего я ждал от англичанина...

– Пусть я и последний мерзавец, но я – верный слуга короля! И если ты не скажешь, где прячутся остальные мятежники, клянусь, я сделаю то, что обещал.

С этими словами он повернулся к своим солдатам:

– Эй, Таракан, запали факел! Сейчас мы будем поджаривать эту старую ирландскую ведьму!

– Постой, приятель! – старик поднял руку в предостерегающем жесте. – Не прикасайся к моей жене. Я все скажу тебе...

– Не говори им ничего! – воскликнула жена. – Ты меня знаешь! Я не боюсь боли и вынесу любые пытки!

– Да я-то не смогу смотреть, как тебя мучают! Тем более это бессмысленно... наша судьба уже predetermined!

– Твой муж прав, старуха! – ухмыльнулся офицер. – Спротивляться нам бесполезно! Так что говори, говори сейчас же!

– Только подойди ближе, приятель. Я ослабел и не могу говорить громко.

Офицер приблизился к постели старика, солдаты следовали за ним, сгрудились вокруг.

– Ты хочешь узнать, где мои соратники, чтобы догнать их? – проговорил старый лорд.

– Само собой, старик, не тяни время!
– Хорошо, я тебе скажу. Не только скажу – я помогу тебе догнать многих из них. Ты догонишь многих... очень многих!
– Неужели их так много? – ухмыльнулся англичанин. – Какая удача! Я не рассчитывал захватить больше десятка мятежников!
– Нет, ты догонишь сотни...
– Надо же! Как это они все здесь поместились?
– Придвинься поближе – я тебе все скажу!
Офицер наклонился.
Старик приподнялся, сжимая в руках концы веревок, и проговорил:
– Ты догонишь не тех, кто был здесь час назад. Ты догонишь тех, кого твои соотечественники предательски убили в замке Ратлин. Тех, кого твои родители отправили к Богу. Только самому тебе придется с полдороги свернуть в другую сторону – в ад!
С этими словами старый лорд из всех оставшихся сил потянул за веревки.
Позади него раздался скрип, треск, и подпиленные заранее подпорки, поддерживавшие потолок подвала, подломились, и тяжелые своды с грохотом обрушились, похоронив под собой и старого лорда, и его жену, и английского офицера со всеми его солдатами.

Возвращаясь с работы, Мила по привычке проверила содержимое почтового ящика.

К своему удивлению, среди бесполезных рекламных листовок и объявлений она нашла почтовое извещение. На ее имя пришло заказное письмо.

Мила удивилась и забеспокоилось.

В последние дни в ее жизни столько всего произошло, что она не ждала ничего хорошего. И вот чего она точно не ждала – это никаких заказных писем. В жизни их не получала; если только что-нибудь официальное, что тоже не так чтобы хорошо.

От кого могло быть это письмо? Какие новые неприятности оно ей сулило?

Чтобы получить ответ на эти вопросы, проще было прямо сейчас зайти на почту и получить письмо.

Почта еще работала, но нужно было поспешить, чтобы успеть до закрытия. Только сначала придется подняться в квартиру за паспортом – без него заказную корреспонденцию не выдают...

Она поднялась к себе, достала ключи и не успела открыть дверь, как из соседней квартиры чертиком из табакерки вылетела Клава.

– Привет! А я тебя уже заждалась! Как дела? Больше не было никаких неприятностей?

– Да вроде все в порядке. Только обожди – мне письмо какое-то пришло, я схожу на почту, а потом поговорим.

Тут Клавины глаза загорелись.

– Ой, можно я с тобой пойду?

– Да зачем тебе? Что тебе там делать?

– Да я просто от скуки на стенку лезу. А мы с тобой потом в кафе зайдем, поедем чего-нибудь, а то у меня дома ничего нет, да и у тебя тоже. Я угощаю! – добавила Клава под конец.

Мила пожала плечами:

– Ну пошли, если хочешь...

Она зашла в свою квартиру, нашла паспорт и снова вышла на лестничную площадку. В квартире был порядок, стало быть – никто больше не собирался ее посещать ни днем, ни ночью.

Клава уже ждала ее, одетая для выхода, если это словосочетание можно применить к ее наряду.

На Клаве были джинсы с вышитыми цветами и розовый свитерок, усыпанный блестками, как новогодняя елка, то есть ровно те самые вещи, в которых Мила видела ее в первый день

их знакомства. Если добавить к этому ядовито-розовую помаду и зеленые тени для глаз, Клава представляла собой удивительное зрелище.

Мила даже в какой-то момент подумала, что все это как-то нарочито, избыточно, с явным перебором... хотя, может, у них в Колдобинске все так одеваются и макияж такой моден.

Может, сказать ей, чтобы не слишком старалась и поменьше теней накладывала, а лучше бы вообще их выбросила, уж больно цвет жуткий? С другой стороны, какое Миле до этого дело? У нее собственных проблем хватает.

Девушки вышли из дома и первым делом направились на почту.

Как ни странно, очередь к окошечку была небольшая, и через десять минут Мила получила из рук пожилой служащей большой конверт из плотной, чуть желтоватой бумаги.

На нем был написан ее адрес, но самое главное – этот адрес был написан почерком Павла. Сердце Милы невольно забилося чаще.

Ей не терпелось скорее узнать, что написал ей муж, но, с другой стороны, не хотелось вскрывать письмо на почте, среди посторонних людей...

Клава взглянула на нее с неожиданной проницательностью и спросила, понизив голос:

– От него?

Мила не ответила, но само это молчание послужило ответом. Она отвернулась, чтобы скрыть свое раздражение.

Вот чего эта Клава к ней привязалась? Зачем-то потащилась с ней на почту, говорит, скучно дома сидеть. А чего она все дома сидит? Приехала из своего Колобродинска, или как там его, так устраивайся на работу! Или хоть ищи...

– Колдобинск, – поправила ее Клава, и Мила всполошилась, что снова проговорила свои мысли вслух. Черт, неудобно как...

– Пойдем в кафе, – как ни в чем не бывало продолжала Клава, – я же тебе обещала. Там и вскрыешь. Не здесь же читать... – Клава выразительно огляделась на посетителей почтового отделения.

Мила спрятала письмо в сумку, и они вышли с почты.

Неподалеку от почты был торговый центр, на первом этаже которого имелось приличное сетевое кафе.

Девушки зашли туда.

Клава выбрала столик подальше от двери:

– Не люблю сидеть на проходе. Опять же, здесь сквозняков меньше.

Она взяла меню, но тут же поморщилась и спросила:

– У тебя салфеток нету? Которые антибактериальные.

Мила взглянула на соседку с удивлением: та первый раз произносила такое длинное и мудреное слово. Оно было явно не из лексикона такой закоренелой провинциалки. Как и сами салфетки...

Клава заметила ее удивление и пояснила:

– Там, на почте, такая грязь была, хочу перед едой хоть руки протереть. Мама меня учила – руки мой перед едой! Ну или, если мыть неохота, хоть салфеткой протри.

Мила не заметила на почте особенной грязи, но спорить не стала. Может, Клава уж такая брезгливая.

– Кажется, было несколько штук...

Она открыла сумку и принялась методично обследовать ее содержимое.

Клава перегнулась через стол, потянувшись к сумке:

– Что ты так долго, давай я сама...

Мила удивилась пуще прежнего, но не стала на людях препираться с соседкой.

Клава завладела ее сумкой, порылась там и буквально через минуту с победным воплем вытащила упаковку салфеток:

– Да вот же они!

Мила снова удивилась: у нее в сумке оставались две или три салфетки, но уж целая упаковка... чудеса какие-то!

Но ее сейчас интересовало совсем другое.

Она достала из сумки конверт, осторожно вскрыла его и выложила на стол содержимое...

Похоже, сегодня все решили ее удивлять. Даже этот странный конверт.

В конверте был один-единственный лист чистой белой бумаги. Обычной бумаги для принтера.

Мила осмотрела его с одной стороны, с другой, даже посмотрела на свет – на нем ничего не было.

– Это что – все? – спросила Клава, наблюдавшая за ней с нескрываемым интересом.

– Все.

– И от кого это письмо?

– Судя по почерку, от мужа.

– Вот козел!

Мила не стала спорить.

Она еще раз внимательно осмотрела конверт – в отличие от листа внутри, на нем хоть что-то было: адрес, написанный рукой Павла, и яркая цветная марка, наклеенная в уголке.

На марке был изображен солидный мужчина в черном бархатном камзоле, с маленькой аккуратной бородкой и кружевным воротником. На боку у него висела шпага.

Надпись в нижнем краю марки гласила: «Сэр Френсис Дрейк».

– А это кто такой? – с любопытством спросила Клава.

– Понятия не имею.

В это время к их столику подошла официантка.

Клава сделала заказ, но, как только та отошла, вскочила, как подброшенная пружиной:

– Слушай, пока они не принесли еду, я сбегая быстренько в салон связи, вон он, прямо против входа. У меня что-то с утра телефон барахлит...

Мила пожала плечами и проводила Клаву взглядом.

Все же как-то странно она сегодня себя ведет...

Но мысли эти тут же ушли в сторону, потому что она снова уставилась на конверт. Судя по штампу, письмо было послано за два дня до той самой «черной» пятницы, когда муж заявил, что уходит от нее к другой женщине, чтобы начать с ней новую жизнь.

Мила вообще перестала что-либо понимать. Что почерк на конверте точно принадлежит мужу, она уверена. Но больше ни в чем.

Прошло минут десять, потом четверть часа – Клава все не возвращалась.

Официантка уже принесла заказ – салат для Милы и спагетти болоньезе для Клавы, а той все не было. Мила со вздохом отложила конверт и принялась за еду.

Наконец Клава появилась, с довольным видом уселась за стол и пояснила, хотя Мила ее ни о чем не спрашивала:

– Парень долго провозился, что-то там с батареей было.

Клава принялась за еду, однако не закончила и вдруг снова вскочила, бросив вилку:

– Ох, извини, мне нужно срочно выйти! Не волнуйся, я скоро, не сбегу! Я же помню, что ужин за мной!

Мила ничего не успела сказать, как Клавы уже и след простыл.

И как только она исчезла, в кафе торопливо вошел длинноволосый парень в белой рубашке, с бейджем сотовой компании на груди.

– Здесь девушка была, в розовом свитере, – обратился он к Миле, – я видел, она вроде с вами сидела...

– А в чем дело? – удивленно спросила Мила.

– Пирожкова ее фамилия... или как-то похоже...

– Как?

– Ох, неважно, это ведь личные данные, их ни в коем случае нельзя разглашать... короче, она у нас в салоне только что телефон купила... – продолжил парень.

– Купила? – переспросила Мила. – А мне она сказала...

– Да, купила, – продолжил парень, не дав ей договорить, – так вот, она мне дала пятитысячную купюру, я ей сдачи дал и обсчитался...

Он продемонстрировал Миле зажатую между пальцами новенькую купюру.

Мила невольно вспомнила, что точно такая же купюра лежала в ее тайнике, в коробке с прокладками... Ага, лежала, да теперь больше не лежит. Была, да сплыла...

Впрочем, все купюры похожи между собой, как все счастливые семьи, по словам классика.

– Она вышла, – проговорила Мила, как только в монологе парня возник зазор. – Она вышла, но скоро вернется. Я ей скажу, чтобы зашла к вам в салон.

– Да, скажите, пожалуйста. А то у меня касса не сойдется, неприятности будут...

Парень успокоился и удалился к себе в салон.

Прошло еще две или три минуты, Клава вернулась и проговорила, подходя к столу:

– Извини... такое дело, сама понимаешь...

Прежде чем сесть, она отодвинула стул, на котором лежала Милина сумка. Отодвинула так неловко, что сумка упала на пол и ее содержимое рассыпалось.

– Ох, какая же я неловкая! – покаянно проговорила Клава и опустилась на колени, собирая рассыпавшиеся мелочи.

Мила присоединилась к ней, подумав мимоходом, что вроде бы застегнула сумку...

Вдвоем они быстро все собрали, под конец Клава заглянула под стол и проговорила:

– Ты смотри, самое-то главное чуть не забыли... вон паспорт твой лежит!

И правда, Милин паспорт лежал за ножкой стола.

Мила подняла его, положила в сумку, застегнула ее и села на прежнее место.

И неожиданно для себя самой спросила:

– Клав, а как твоя фамилия?

– Капустина я, – ответила та, не задумываясь, и тут же спросила: – А тебе зачем?

– Да так, интересно просто... мы же теперь соседки, можно сказать – подруги. А фамилия, она, знаешь, о человеке много говорит.

– Ну и что тебе говорит моя фамилия? – фыркнула Клава. – Что у меня капусты много? Так вот, это неправда. Или, скажем, ты Рожкова. И что это значит?

– Что муж мне рожки наставил... – машинально произнесла Мила и тут же спросила: – А откуда ты знаешь мою фамилию?

– Так ты же сама сказала, – не моргнув глазом ответила Клава.

Мила что-то не помнила, чтобы называла соседке свою фамилию. Но спорить не стала, только опустила глаза, уставившись в тарелку.

Клава набросилась на еду, как будто сто лет не ела.

Мила тоже принялась за свой салат, но особого аппетита у нее не было.

Она ковырялась вилкой в тарелке и искоса посматривала на свою соседку.

Та удивительно ловко управлялась со спагетти при помощи вилки и ложки, как природная итальянка.

Мила невольно восхищалась, как красиво и аккуратно это у нее получается. Сама Мила так не умела, поэтому редко заказывала пасту в общественных местах, не хотела позориться. Надо же, где Клава научилась так ловко управляться с приборами? Неужели у себя в Козлобординске? То есть в Колдобинске... или как там его, язык сломаешь...

Подумав это, Мила с испугом уставилась на соседку, а вдруг она эти ее мысли прочитает? Но нет, Клава была занята спагетти, которые уменьшались очень быстро. Нет, тут явно чувствовалась долгая тренировка.

В общем, все возможно, но эта деталь плохо сочеталась с подчеркнутой Клавиной провинциальностью и неотесанностью.

Мила подумала, что в Клавином облике и поведении вообще много каких-то подозрительных деталей и нестыковок.

Тут она вспомнила появление парня из салона связи.

С этим вообще все было непонятно.

Парень сказал, что Клава купила у него телефон, а сама Клава говорила, что ходила в салон что-то отремонтировать.

Кто из них врет?

За простой ремонт в салонах обычно не берут денег – а тот парень однозначно говорил, что Клава ему заплатила, и он ошибся при расчете. Даже купюру показал...

Вот, кстати, эта купюра.

Она была подозрительно похожа на ту, что пропала из Милиной записки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.